

Дитер Плеве и Бернхард Вальпен

МЕЖДУ СЕТЕВОЙ СТРУКТУРОЙ И КОМПЛЕКСНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ: ОТ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ К НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ГЕГЕМОНИЯ: КОНЕЦ ИЛИ УХОД В ОБОРОНУ?

Гегемония неолиберального дискурса и практики, — суть которых состоит в претензиях на превосходство рыночных механизмов и конкурентных процессов капиталистического развития над государственными способами социальной и экономической организации, в ограничении полномочий правительства защитой прав личности (в первую очередь прав собственности) и в приватизации государственных предприятий и либерализации рынков, жестко регулировавшихся и управлявшихся государством, — в последнее время становится объектом нападков на различных национальных и международных аренах по всему земному шару. Провал «шоковых терапий» в восточноевропейских переходных экономиках, азиатский финансовый кризис 1997 года и крах рынка «дот-комов», несомненно, не прибавили убедительности теориям о благотворности рыночного саморегулирования и частного обогащения. Некоторые наблюдатели, — вообще говоря, несколько преждевременно, судя, скажем, по недавним успехам правых неолибералов в Италии и Франции, — полагают, что переход власти в руки новых социал-демократических партий в различных европейских странах означает конец неолиберализма (приравненного к политике режимов Тэтчер и Рейгана). Нобелевские премии по экономике в последние годы вручаются уже не столпам неолиберального мышления (Хайеку, Фридману, Бьюкенену, Беккеру), а таким как Амартья Сен, исследователь вопросов развития, и Джозеф Стиглиц, бывший сотрудник Всемирного банка, переметнувшийся в лагерь его критиков. Эти и другие тенденции порой интерпретируются как признаки становления «Поствашингтонского консенсуса», внедряющего этический компонент

в священную триаду глобальной «либерализации, приватизации и дерегулирования». Немаловажно и то, что крах корпорации «Энрон» в сочетании с массово полопавшимися экономическими пузырями и протекционистскими мерами правительства Джорджа У. Буша после террористических актов 11 сентября¹, несомненно, также по-своему подрывают легитимность глобальной неолиберальной повестки дня.

Бесчисленные социальные движения последних лет, протестующие против многократно заклеянной корпоративной глобализации, могут рассматриваться как самый удачный из всех вызовов, брошенных либерализму. Гибкие сети протестных движений, последовав призыву 1994 года в Чьяпасе, вступили в глобальную битву с неолиберализмом и капиталистической глобализацией. Эти новые социальные движения левого толка подвергли критическому анализу ряд вопросов, в какой-то степени увязывая их с народными требованиями (такими, как так называемый налог Тобина). Даже не выдвигая последовательной программы, которая могла бы стать глобальной альтернативой неолиберализму, протестные движения, сопровождавшие почти все заседания и встречи Всемирного банка, МВФ, «Большой семерки», Всемирного экономического форума, ВТО и Евросоюза, привлекали к себе повышенное внимание СМИ, приводя к рассуждениям о закате неолиберальной гегемонии².

Тем не менее мы утверждаем, что мнение о скором конце неолиберальной гегемонии³ сильно преувеличено. Хотя неолиберальные парадигмы и неолиберальная политика подвергаются все более жесткой критике вследствие структурных трансформаций неолиберального капитализма и оспариваются новыми социальными акторами, выступающими против неолиберальной глобализации, ключевые аспекты неолиберальной гегемонии, сохраняя свою силу, в ближайшем будущем, скорее всего, лишь укрепят свои позиции на различных аренах – таких, как Евросоюз. Мы объясняем продолжающееся усиление неолиберальной парадигмы, в частности (хотя ни в коей мере не исключительно), наличием хорошо развитых и глубоко укоренившихся сетей создания и распространения неолиберальных знаний, включающих интеллектуалов и мозговые центры.

1. Протекционистские меры администрации Буша по защите американских сталеплавильного и аграрного секторов (в форме субсидий и повышения тарифов на импорт) вызвали аналогичные шаги со стороны Евросоюза и спровоцировали всплеск недовольства во многих странах, в частности в Мексике, где прошли крупные демонстрации мексиканских крестьян, обличавших лицемерие американских призывов к свободной торговле и требовавших аналогичных субсидий от своего правительства.
2. Всемирный экономический форум 2003 г. в третий раз совпал с Всемирным социальным форумом в Порту-Алегри. В то время как представители социальных движений в Порту-Алегри празднуют победу профсоюзного активиста и лидера Партии труда Лулы на президентских выборах в Бразилии, делегаты ВЭФ размышляют о том, как восстановить пошатнувшееся доверие к глобализационному проекту («Нью-Йорк Таймс», 24 янв. 2003 г.).
3. Термин «гегемония» мы используем в том смысле, который вкладывал в него Грамши, понимая под гегемонией систему правления, в основе которой лежит добровольное подчинение подданных (в противоположность принуждению).

Такие сети широко фигурируют при анализе движителей и структур как неолиберальной глобализации, так и глобализации неолиберализма⁴. В то время как, например, Кис ван дер Пийл и Лесли Склэр в своих недавних работах рассматривали транснациональные процессы интеграции элит и формирования классов, концепция транснационального класса, учитывающая в основном лишь корпоративные и политические элиты, одновременно и слишком широка и слишком узка для того, чтобы освещать другие ключевые факторы, стоящие за неолиберальной гегемонией, а именно наличие хорошо организованных сетей по созданию и распространению неолиберального знания, действующих относительно независимо от корпоративных и политических центров власти. Концепция преимущественно корпоративного транснационального класса слишком широка, поскольку она недооценивает роль конфликтов между различными силами и течениями в рамках правящих классов и глобальных элит, и слишком узка, поскольку в недостаточной степени принимает во внимание важный вклад радикальных неолиберальных интеллектуалов, ученых и «продавцов чужих идей». Лесли Склэр признает роль таких интеллектуалов, как Хайек и другие члены общества «Мон-Пелерин» (ОМП), в организации неолиберальной контрреволюции против социал-либеральных и кейнсианских принципов государства социального обеспечения, но проводимый им анализ процессов формирования транснационального класса страдает однобокостью из-за преимущественного внимания к корпоративным силам. Хотя то значение, которое Склэр придает роли культуры в процессах формирования классов, позволяет избежать узкого определения классов, отталкивающегося от общности материальных интересов, «консюмеризм», который он ставит во главу угла как центральный интегрирующий фактор, следует считать лишь одним из культурных выражений неолиберализма.

Кис ван дер Пийл много говорит, с одной стороны, о группах планирования при глобальной элите (таких, как Трехсторонняя комиссия или Бильдербергская группа), а с другой стороны, об организованной неолиберальной сети, выстроенной вокруг ОМП. В одной из своих последних работ ван дер Пийл отказывается от чересчур неразборчивого отношения к глобальным группам планирования, освещая ряд важных аспектов, определяющих уникальность неолиберальной сети ОМП. Во-первых, в отличие от Бильдербергской группы, ОМП не ограничивается ролью форума для провозглашения свежих идей, предлагая вместо этого связный набор основополагающих идеологических принципов (*Weltanschauung*). Во-вторых, в отличие от других «групп плани-

4. Сьюзен Стрейндж справедливо отмечает, что «ту власть, которую дают структуры знания, наиболее часто не замечают и недооценивают. В международной политической экономике она занимает не менее важное место, чем три других источника структурной власти (вооруженные силы, производство, финансы), но гораздо хуже изучена. Отчасти это обусловлено тем, что в ее состав входит то, во что верят (в том числе нравственные убеждения и принципы, основанные на этой вере), то, что известно и считается понятным, а также те каналы, по которым распространяются эти верования, идеи и знания — включая одних людей и исключая других».

рования», ОМП в основу своей деятельности положило массовое распространение знаний и идей. И хотя ван дер Пийл справедливо отмечает интеграцию влиятельных неолибералов в мозговых центрах по всему земному шару и координацию работы мозговых центров под зонтиком фонда «Атлас», он не придает значения этим явлениям, приписывая им чисто идеологический характер. Утверждая, что сеть ОМП опирается на «распространение благой вести – по большей части предвзятого характера», он недооценивает способность интеллектуалов из ОМП участвовать в серьезных исследованиях, научных проектах и создании знаний, а также стратегические и тактические возможности неолиберальных сетей. Верно подмеченная «функция воинствующих интеллектуалов» – в отличие от «адаптивно-руководящей теневой роли» других групп планирования – вытекает не только и не столько из жестких идеологических принципов, сколько из способности неолиберальной сети ОМП участвовать в плюралистических (пусть даже неолиберально-плюралистических) дискуссиях с целью создания рамок для целого семейства неолиберальных подходов (таких, как ордо-либерализм, либертарианство, анархо-капитализм и т. д.) и из ее инновативного подхода к созданию и распространению новых знаний. Что касается последнего аспекта, решающую роль в процессах создания, распространения и оборота знаний сыграло создание «пропагандистских мозговых центров» нового типа как организационной формы, отличающейся от традиционных систем распространения научных, технократических и партийных знаний (таких, как центры знания при научных организациях и учреждениях государственного планирования или политические партии). Сила этих неолиберальных сетей связана с их способностью провозглашать ключевые принципы неолиберализма трансдисциплинарным образом не только на аренах «политического общества», но и на более широких властных аренах «гражданского общества» (Граммши).

Статья построена следующим образом. Сначала мы приведем описательный анализ развития собственно общества «Мон-Пелерин» как сети организованных неолибералов. Основанная в 1947 году скромная группа из 38 интеллектуалов разрослась в подлинно глобальную сеть, на сегодняшний день включающую более 1000 членов. Затем мы осветим процесс зарождения и последующего роста неолиберальных мозговых центров, тесно связанных с отдельными лицами или группами, состоящими в ОМП. Эта дискуссия позволит нам исследовать и оценить сильные и слабые стороны организованных неолибералов на современном этапе, когда неолиберальная гегемония перешла к обороне.

СОЗДАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ: ЭКСПЕРТЫ И «ПРОДАВЦЫ ЧУЖИХ ИДЕЙ»

Несмотря на социалистические революции, Великую депрессию и другие явные признаки неудач капитализма, проявившиеся к 1930-м годам, интеллектуалы от неолиберализма утверждали, что «свободный рынок» – самый

подходящий механизм для взаимодействия, обмена и производства, и выступали за распространение рыночных механизмов посредством валоризации и коммерциализации всевозможных аспектов общественной и даже частной жизни. Основой для неолиберальной повестки дня оставалось крайне скептическое отношение к масштабам и глубине государственного вмешательства, особенно в области социального обеспечения и перераспределительной политики, хотя приставка *neo-* в термине «неолиберализм» указывает на признание за государством необходимой и уместной задачи по охране капиталистических принципов. Например, Вильгельм Репке так сформулировал два смысла, вкладываемые в понятие «либерализм»:

- 1) Отход от феодальных институтов в сторону большей социальной мобильности и личной свободы.
- 2) Защита капиталистического принципа *laissez-faire* и радикально индивидуалистического подхода к социальному устройству.

Репке подписывается под первым из этих определений и отказывается от второго. Соответственно Репке и его сторонники для описания своих программ использовали такие выражения, как «неолиберализм», «социальный рынок», «гуманитарная экономика» и «третий путь». Таким образом, неолибералы, учитывая опыт прежней либеральной традиции правого толка, хотели преодолеть прежнюю дуалистическую парадигму «государство/экономика», которая доминировала в либеральном мышлении до Второй мировой войны. Вслед за Хайеком и другими правыми либералами Репке также признает, что «экономика подверглась необратимой политизации»:

Рост массовой демократии, мобилизация миллионов людей из всех социальных классов во время Первой мировой войны, подъем националистических настроений и классового недоверия—все эти течения, слившись в одно, разрушили дамбу, которой классические либералы надеялись оградить экономическую жизнь от политических потрясений. Отныне будет уже недостаточно убеждать профессоров экономики, министров короля и ответственные классы в благах свободного рынка.

Соответственно, неолибералы, как ни странно, признавали возрастающую необходимость «организовывать индивидуализм». В отличие от прежних властных элит, неолиберальные интеллектуалы и бизнесмены не держали в своих руках политическую и экономическую власть в послевоенном «локковском хартленде», как Кис ван дер Пийл называет ядро капиталистического мира (которое, за исключением Германии, находилось под сильным влиянием кейнсианства и социально-либеральных концепций капиталистического государства социального обеспечения). Еще меньшим влиянием неолибералы обладали в «гоббсовских несогласных государствах», возникших после Второй мировой войны в более-менее периферийных регионах Второго и Третьего миров и экспериментировавших с антиколониальным отказом от присутствия на мировом рынке и с социалистическими рецептами. Небольшая группа убежденных либералов собралась в 1938 году в Париже по приглашению французского философа Луи Ружье с целью обсудить

книгу Уолтера Липмана «Хорошее общество» («Good Society»). В этой первой попытке создания рамок для обновления либерализма участвовало 26 интеллектуалов. 15 из них (в том числе Рэймонд Арон, Луи Боден, Фридрих-Август фон Хайек, Людвиг фон Мизес, Мишель Поланьи, Вильгельм Репке и Александер Рюстоу) девять лет спустя, в 1947 году, приняли участие в создании ОМП.

Суть книги Липмана заключалась в принципиальном заявлении о превосходстве рыночной экономики над государственным вмешательством; тем самым Липман предвещал куда более известную аргументацию Хайека в его книге 1944 г. «Дорога к рабству» («The Road to Serfdom»). В отличие от последующих теорий тоталитаризма, подчеркивающих отсутствие плюралистическо-демократических принципов (см. подход Ханны Арендт и ее последователей), Липман вводил бинарное противопоставление «рыночной» и «плановой» экономики, предупреждая об опасностях тотального контроля над обществом, будь то организовано по марксистско-ленинским или по кейнсианским принципам. Липман становился провозвестником долговременной стратегии Хайека и в том смысле, что выступал за реинституционализацию рыночных механизмов. Только упорная, терпеливая и кропотливая научная работа и пересмотр либеральной теории признавались в качестве многообещающей стратегии победы над «тоталитаризмом». Участники встречи 1938 года, отметив потребность в новой философии, обсудили вопрос о том, как ее назвать, и предлагали различные термины, такие как «позитивный либерализм». В конце концов было принято название «неолиберализм» — так у термина появилось и место, и дата рождения. Другим конкретным результатом этих дискуссий стало основание Международного центра исследований по обновлению либерализма (Centre International d'Etudes pour la Rénovation du Libéralisme) — преждевременной попытки создания неолиберального мозгового центра, который не пережил перипетий Второй мировой войны.

К 1947 году настало время возобновить попытки 1938 года. По инициативе швейцарского бизнесмена Альберта Хунольда и Фридриха-Августа фон Хайека ряд прежде слабо связанных друг с другом неолиберальных интеллектуалов Европы и США собрался в Мон-Пелерин — небольшой деревне поблизости от Женевского озера. Интернациональный состав участников и организация встречи стали возможны благодаря корпоративной и институциональной поддержке, которую оказали Фонд экономического образования в Ирвингтон-он-Хадсон (основанный в 1946 году и имевший в числе своих сотрудников, в частности, Людвиг фон Мизеса), Фонд Уильяма Волкера из Канзас-Сити, основанный в 1944 году, а также Лондонская школа экономики (где преподавали Лайонел Роббинс и Хайек) и Чикагский университет (сотрудниками которого являлись Милтон Фридман и другие видные фигуры). Фонд Волкера, которым руководил впоследствии вошедший в состав ОМП Гарольд Лунов, оплатил дорожные расходы американских участников встречи. На вторую встречу, состоявшуюся в Зеелисбер-

ге (Швейцария), британские участники попали благодаря денежным средствам, выделенным Английским банком.

Какова была причина для основания общества «Мон-Пелерин»? На этот вопрос дает ответ статья самого Хайека «Интеллектуалы и социализм», представленная на втором заседании общества и опубликованная в 1949 году. В этой статье Хайек, ставя во главу угла образование и знания, приводит уточнения к общему анализу «восстания масс» (Ортега-и-Гассет) как угрозы для свободы и демократии и к анализу «политизации экономики» как угрозы для капитализма и власти элиты. Особо Хайек подчеркивает роль интеллектуалов, институтов и идей в становлении социализма. В классической фабианской традиции политический поворот к социалистическим принципам объясняется влиянием интеллектуалов социалистического толка на полисимейкеров. Эпоха, предшествовавшая социалистической политике, описывается как фаза, «во время которой социалистические идеалы определяли мышление более активных индивидуумов». Как только интеллектуалы обратились к социалистическим идеям, пишет Хайек, ничто уже не мешало «взглядам, которые разделялись интеллектуалами, стать решающей политической силой... Нередко исход того, что современному наблюдателю представляется конфликтом соперничающих интересов, в реальности был уже давно решен в столкновении идей, имеющих хождение в узких кругах»⁵.

Впрочем, Хайек вовсе не предлагал чисто идеалистическую концепцию, признающую за великими интеллектуалами роль движущей силы истории. Напротив, он подчеркивает роль институтов, сетей и организаций. Отвергая распространенное убеждение в том, что интеллектуалы обладают лишь ограниченным влиянием, Хайек указывает, что на смену традиционной роли ученых и экспертов пришло «всепроникающее влияние интеллектуалов в современном обществе [и это влияние] еще больше усиливается за счет возрастающего значения „организации“». Согласно известному, но, вероятно, ошибочному мнению, усиление организации повышает влияние эксперта или специалиста. Это может быть верно в отношении опытного администратора или организатора, если таковые есть в наличии, но едва ли верно в отношении эксперта в любой конкретной сфере знания. Скорее всего, усиливается влияние того лица, чьи широкие познания как будто бы дают ему право оценивать высказывания экспертов и сравнивать между собой экспертов из различных областей».

Хайек отмечает стремительное распространение таких институтов, вскармливающих интеллектуалов (не обязательно экспертов), как университеты, фонды, институты, редакции и прочие организации по распро-

5. На учредительной конференции ОМП Хайек цитировал аналогичные слова Кейнса из его «Общей теории»: «Идеи экономистов и политических философов, и когда те правы, и когда заблуждаются, более могущественны, чем обычно считается. Собственно, именно они и правят миром. Практичные люди, считающие себя совершенно свободными от какого-либо интеллектуального влияния, как правило, являются рабами идей какого-нибудь усопшего экономиста».

странению знаний: журналы и т.д. «Почти все „эксперты” в области приобретения знаний, при всем уважении к сфере их деятельности, являются интеллектуалами, но не экспертами». Роль интеллектуалов как фильтров и распространителей знания, согласно Хайеку, представляет собой «совершенно новый исторический феномен», побочный продукт массового образования классов, не владеющих собственностью. Вследствие своего социального статуса и опыта такие интеллектуалы или «продавцы чужих идей» склоняются к социализму. Особо Хайек выделяет влияние журналистов, которое, по его мнению, уравновешивает контроль за СМИ со стороны их владельцев-несоциалистов.

Хайек подчеркивает силу либеральных ценностей в Германии в отличие от Великобритании (в эпоху непосредственно после окончания войны), объясняя этот факт испытаниями, пережитыми первой страной при фашистской диктатуре. В ходе своих усилий по делегитимизации социалистических идей и принципов он доходит до того, что уравнивает фашизм и социализм:

«Означает ли это, что свободу начинают ценить лишь тогда, когда ее теряют, что все страны мира обречены преодолеть мрачный этап социалистического тоталитаризма, прежде чем силы свободы снова возьмут верх? Может быть, но я надеюсь, что не обязательно. Однако до тех пор, пока идеалы социализма будут привлекать людей, определяющих общественное мнение, эта тенденция будет продолжаться. Если мы хотим избежать такого исхода, то должны предложить людям новую либеральную программу, которая захватила бы их воображение. Мы снова должны сделать построение свободного общества интеллектуальным приключением, делом, требующим отваги. Нам не хватает либеральной утопии — программы, которая не выглядела бы ни простой защитой существующего состояния вещей, ни своего рода разбавленным социализмом, а представляла бы собой истинно радикальный либерализм, который бы не щадил обидчивости власть имущих (включая и профсоюзы), не был бы чрезмерно практичным и не ограничивался бы тем, что сейчас представляется политически возможным. <...> Практические компромиссы следует оставить на долю политиков».

Хайек делает из своих рассуждений два вывода, которые можно рассматривать как руководящие организационные, сетевые и институционные принципы неолиберализма. Во-первых, «правым» не хватает способных исследователей и специалистов, которые в состоянии противостоять восходящим звездам социал-либеральной и социалистической ориентации (таким, как англичане лорд Кейнс и Гарольд Ласки). Эту проблему можно было решить, лишь приложив невероятные усилия к перестройке антисоциалистических научных и экспертных кругов с целью воспитания интеллектуалов-анти-социалистов. Во-вторых, следовало разрушить социалистический фильтр в учреждениях по распространению знаний — университетах, институтах, фондах, журналах и СМИ — путем создания антисоциалистических центров

знания, способных эффективно фильтровать, обрабатывать и распространять неолиберальные знания.

Первую задачу взяло на себя общество «Мон-Пелерин», собравшее под своей крышей «интеллектуалов» — в основном исследователей, но также «людей дела», включая бизнесменов, редакторов, профессиональных журналистов и политиков. Вторая задача, выполнение которой было рассчитано на длительное время, заключалась в содействии основанию и работе «независимых» институтов, фондов, журналов и пр., распространяющих неолиберальные знания. Ключевой институцией в этой сфере стал мозговой центр, представляющий собой сознательную попытку построить совершенно новый аппарат знания в гражданском обществе.

СЕТИ ЭКСПЕРТОВ: ВКРАТЦЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ «МОН-ПЕЛЕРИН»

ОМП не имеет полноценной научной или хотя бы политической программы. Членство в нем основывается на согласии с ключевыми принципами, зафиксированными в качестве заявления о намерениях. Эти шесть ключевых принципов включают:

- 1) Анализ и объяснение природы текущего кризиса с целью выявить его важнейшие нравственные и экономические причины.
- 2) Переопределение функций государства с целью провести более четкое различие между тоталитарным и либеральным строем.
- 3) Восстановление правозаконности и обеспечение ее развития таким образом, чтобы предотвратить возможность покушения индивидуумов и группировок на чужую свободу и не допустить превращения частных прав в основу для хищнической власти.
- 4) Возможность поддержания минимальных стандартов средствами, не противоречащими инициативе и функционированию рынка.
- 5) Борьба с извращениями истории, совершаемыми с целью насаждения убеждений, враждебных свободе.
- 6) Решение задачи по установлению международного порядка, благоприятствующего сохранению мира и свободы и позволяющего создавать гармоничные международные экономические отношения.

Характерно отсутствие в этом списке ряда традиционных ключевых принципов либерализма, связанных с важнейшими правами человека и демократическими правами (такими, как право на «коллективные организации», равноправие в отношении политического участия и т.д.). Начиная с 1947 года ОМП проводило ежегодные конференции «глобального» либо «регионального» масштаба. Для вступления в ОМП требовались рекомендации со стороны двух его действительных членов. Попытки некоторых членов общества (в первую очередь Хунольда и немецкого экономиста Репке) делать от его имени публичные политические заявления были блокированы альянсом во главе с Хайеком, созданным в 1950-е годы Принцип уча-

ствия только в научных дискуссиях с тех пор сохраняется по настоящее время. Публисити самого общества обеспечивали лишь те его члены, которые работали в крупных газетах— таких, как *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Le Monde*, *Neue Zürcher Zeitung* и *Financial Times*. Члены общества, не являющегося ни секретным, ни тем более конспиративным, приняли решение по возможности держаться в тени в целях максимальной открытости дискуссий и строгости внутренних дебатов. Побочный, хотя, возможно, желательный эффект такого решения состоял в том, что общественное внимание было привлечено к частным научным работам неолиберальных исследователей, а не к совместной и институционализованной деятельности неолиберального научного и дискурсивного сообщества⁶.

Отталкиваясь от списков членов ОМП, хранящихся в «Либеральном архиве» города Гент (Бельгия), и прочих внутренних документов ОМП, доступных в Гуверовском институте (Стэнфорд, США), а также на основе исследований в Интернете (многие члены ОМП гордятся своим участием в этой организации) мы составили обзор, позволяющий судить о масштабах и составе сети неолиберальных интеллектуалов, существующей под эгидой ОМП.

Всего в ОМП насчитывается 1025 членов, в том числе 933 мужчин и 48 женщин (пол 44 участников установить не удалось). Таким образом, приблизительно 91% членов ОМП— мужчины.

Сеть ОМП имеет глобальный размах, хотя ее члены распределены по земному шару неравномерно: их повышенная концентрация наблюдается в США (437 члена, или 39,4% от общего числа), а также в Германии, Великобритании, Франции, Японии и Швейцарии. Значительное и возрастающее число членов ОМП живет за пределами развитых капиталистических стран. В последнее время в составе ОМП появились представители постсоциалистических стран бывшего советского блока. ОМП имеет наиболее сильные позиции в Западной Европе и Северной Америке, хотя весьма заметно его присутствие и в Латинской Америке. В 1951 году, через четыре года после основания общества, оно было представлено уже на всех континентах, хотя главным образом его члены находились в США и Европе. Первыми членами ОМП из Латинской Америки стали представители от Аргентины и Мексики. С 1966 года в ОМП появился представитель от Гватемалы; к 1991 году по числу членов ОМП она из всех латиноамериканских стран уступала только Аргентине. Начиная с 1970-х годов заметно присутствие в ОМП представителей от Венесуэлы, Бразилии, Чили и Коста-Рики. Из африканских стран (не считая единственного египетского представителя в конце 1950-х годов) в ОМП

6. Химеричность идей 1960–1970-х гг. о возникновении власть имущей научной элиты развенчивается Питером Вайнгартом. Согласно Вайнгарту, проникновение науки в политику немедленно приводит к деинституционализации и политизации науки, что в потенциале чревато утратой экспертами своего влияния. Хотя аргументация Вайнгарта (во многом совпадающая с хайсковской) звучит убедительно, он не в состоянии объяснить распространение дискурсивных научных сообществ, наподобие того, что было создано обществом «Мон-Пелерин».

представлена только ЮАР. Оплотом ОМП в Азии является Япония. Число участников ОМП от Азии, начиная с одного в 1957 году, к 1991 году достигло 24 человека. Помимо Японии, из других азиатских стран в ОМП хорошо представлен Тайвань: в 1966 году в обществе насчитывалось 2 тайваньских представителя, в 1991 году — 10. Усиливаются также позиции Индии. В 1980-х годах в состав ОМП вошли члены из Австралии и Новой Зеландии. Значение Австралазийского региона отразилось в проведении «Специальных азиатских региональных встреч». Первая такая встреча состоялась на Бали (Индонезия) в 1999 году, а вторая — в Гоа (Индия) в начале 2002 года. В Европе заметно увеличение представительства в ОМП от Испании и Восточной Европы.

Помимо расширения масштабов членства (и в смысле его численности, и в смысле географии), сеть ОМП также содействовала проведению ряда кратко- и долгосрочных исследовательских проектов и на индивидуальном, и на коллективном уровнях (таких, как координация прежде конкурировавших друг с другом версий «Индекса экономической свободы» и их ежегодная публикация Институтом Фрейзера и фонда «Херитэдж»). Как правило, импульс для таких исследовательских проектов исходит со стороны ОМП, а их осуществление производится мозговыми центрами либо поодиночке, либо в сотрудничестве друг с другом (Проекты Института Фрейзера являются плодом совместных усилий многих мозговых центров по всему земному шару).

Важное место в деятельности членов ОМП занимают научная работа, пропагандистские мозговые центры, бизнес, правительство/политика, СМИ, международные организации и ассоциации. Неудивительно, что большинство членов ОМП трудится при университетах — многие на экономических факультетах⁷. Вторую по численности группу в ОМП после сотрудников университетов составляют представители пропагандистских мозговых центров, основанных ОМП или находящихся под покровительством тех его членов, которые занимают высокие должности (в различных советах и пр.). Значительную группу составляют также работники корпораций или деловых ассоциаций, за ними следуют госслужащие и сотрудники СМИ. Интересным аспектом является присутствие среди членов ОМП людей, управляющих денежными потоками, будь то в бизнесе (коммерческие банки), госструктурах (центральные банки) или в таких международных организациях, как Всемирный банк или МВФ. Несомненно, крупный вклад членов ОМП Милтона Фридмана (США) и сэра Алана Уолтерса (Великобритания) в финансовую теорию и политику («монетаризм») привлек немало «людей

7. Хотя среди членов ОМП преобладают экономисты, широко представлены также сотрудники юридических и философских факультетов. В ОМП входят и представители таких дисциплин, как история, социология, теология, агрономия, биология, химия, инженерное дело, математика, физика, политология, психология, другие общественные науки и зоология. Вопрос об университетском образовании и работе при университетах примерно двух третей членов ОМП еще нуждается в изучении.

дела» в это международное общество, которое с большим разбором допускает в свои ряды корпоративных и политических лидеров.

Помимо многочисленных связей членов ОМП с более чем 100 мозговыми центрами, фондами и неолиберальными обществами национального масштаба (такими, как американское Филадельфийское общество или «F. A. von Hayek Gesellschaft» из Германии), члены ОМП входят и в другие глобальные элитные группировки — например, Всемирный экономический форум (ВЭФ) с его 11 членами-участниками ОМП. Несмотря на уклон элитных групп планирования (таких, как Бильдербергская группа или Трехсторонняя комиссия) к своим собственным версиям неолиберализма, члены ОМП в этих группах сколько-нибудь серьезно не представлены⁸. По-видимому, участники ОМП предпочитают работать в рамках собственной глобальной «сети сетей», придерживаясь более оригинальной, чистой и радикальной версии неолиберализма. Однако существуют связи между ОМП и корпоративными элитами, представленными в Международной торговой палате, которую можно назвать ядром «консервативного неолиберализма».

Неолиберальные представления о том, что влияние социализма проявляется не только в экономических доктринах, находят явное выражение в широком диапазоне дискурсов и научных дисциплин, с которыми работает ОМП. Вообще едва ли найдется такая общенаучная, философская или чисто политическая тема, которая не затрагивалась бы на сессиях ОМП, в его работе или в публикациях его членов.

Разумеется, можно также упомянуть ряд отдельных членов ОМП, являющихся известными политическими фигурами; в их числе — Вацлав Клаус, президент и бывший глава правительства Чехии; Антонио Мартино, итальянский министр обороны в составе правительства Сильвио Берлускони; бывший канцлер Германии Людвиг Эрхард; бывший итальянский президент Луиджи Эйнауди; или Фриц Болькештайн, комиссар ЕС по вопросам внутреннего рынка. Можно также отметить, что в число бывших и нынешних членов ОМП входят восемь лауреатов Нобелевской премии по экономике⁹, как и Эрик Лундберг, сотрудник Центрального банка Швеции, сыгравший ключевую роль в учреждении этой премии — премии Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля, — на которую распространяется престиж собственно Нобелевских премий. Более важно, однако, понимать, что сила этого транснационального сообщества с его неолиберальным дискурсом определяется не присутствием в его рядах известных и общепризнанных специалистов в политике и науке; неолиберальная гегемония создается и поддерживается благодаря обширной сети, охватывающей различные институциональные арены, включая высшую школу, бизнес, политику и СМИ. Чисто научная деятель-

8. Одним из немногих, кто посещает конференции Бильдербергской группы, является немец Альфред Мюллер-Армак, входящий в число основоположников ОМП.

9. Ими являются Хайек (1974), Фридман (1976), Джордж Дж. Стиглер (1982), Бьюкенен (1986), Морис Алле (1988), Рональд Коуз (1991), Беккер (1992) и Вернон Л. Смит (2002).

ность не в состоянии породить на свет жизнеспособную идеологию или «Weltanschauung»; не может такая идеология появиться и в результате чисто практической работы. Гегемония существует благодаря взаимодействию различных сфер и может оказывать решающее влияние, если члены этой сети, придерживаясь ключевых принципов и общей основы (сформулированной в «заявлении о намерениях» ОМП), творят свою «либеральную утопию» посредством четко определенного разделения интеллектуального и практического труда. Члены общества активно делятся информацией, просвещают друг друга по широкому кругу вопросов и обсуждают важнейшие проблемы в поисках неолиберальных «решений» на животрепещущие вопросы с целью их распространения по соответствующим каналам (через посредство отдельных членов, работающих корпоративными и политическими советниками, через мозговые центры и СМИ и пр.). Плюрализм как ключевой принцип ОМП в принципиально неолиберальном окружении может считаться важным аспектом как закрытых, так и освещаемых дискуссий. В то время как члены ОМП стараются прийти к единому мнению по важнейшим вопросам, широкое распространение могут получить и взаимно противоречивые взгляды, пока они находятся в соответствии с общими принципами.

Единству ОМП дополнительно способствует решение не принимать непосредственного участия в политической сфере *как организации*, устраняющей потенциальные поводы для конфликтов между членами общества, которые могут расходиться во взглядах по отдельным вопросам, в то же время придерживаясь общих руководящих принципов ОМП. Какая бы партия ни находилась у власти в конкретной стране в конкретный момент, общество хранит верность своей миссии – формулировать неолиберальную позицию по любой теме, которая перерастает в важный вопрос общественной значимости. Порой неолиберальные эксперты становятся приближенными лицами при том или ином правительстве, но даже тогда непосредственное проявление своего влияния не входит в задачу сети ОМП. Эта «слабость» по сравнению с прочими глобальными элитарными группировками может рассматриваться как главное отличие ОМП, а также как его сильная сторона при воспроизводстве и непрерывной мобилизации неолиберальных знаний и создании возможностей для неолиберального планирования и прогнозирования¹⁰. Однако не следует заблуждаться по поводу этого относительного «политического абсентизма». Для Хайека и его коллег с самого начала было ясно, что задача перевода неолиберального опыта в практические знания (такие, как политические предложения) нуждается в тщательной организации. В этом отношении важнейшее значение имеет работа 132 членов ОМП в мозговых центрах и наличие постоянных связей гораздо

10. В то время как многие левые социальные движения не избежали интегративного воздействия «парламентаризации», правые неолибералы, по-видимому, выучили урок о необходимости автономии, спасающей от уничтожения посредством поглощения.

большого числа членов ОМП с более чем сотней мозговых центров и фондов, не говоря уже о медийных организациях и др. Значительные размеры неолиберальной группировки «продавцов чужих идей» и фильтров знания обусловлены не стратегией «инфильтрации» в существующие институты, а, скорее, сознательными усилиями по созданию соответствующих «независимых» мощностей. Многие члены ОМП получают финансовую поддержку от «людей дела», пополняя растущую армию неолиберальных пропагандистских мозговых центров.

СЕТИ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И ФИЛЬТРОВ ЗНАНИЯ

Мы уже упоминали первый неолиберальный мозговой центр – Международный центр исследований по обновлению либерализма – организованный в конце 1930-х годов и не переживший Второй мировой войны¹¹. История неолиберальных институтов получила свое продолжение в 1950-е годы, когда британский бизнесмен Энтони Фишер предложил Хайеку свою помощь в распространении неолиберализма. Фишер предоставил средства для основания Института экономических проблем (IEA) в Лондоне, который стал прототипом для множества неолиберальных мозговых центров, создававшихся по всему миру.

Роль мозговых центров¹² признавалась рядом видных исследователей при сравнительном анализе политических систем. Мозговые центры внесли ключевой вклад в преобразование политической жизни, например, в США; для эпохи правления Рейгана и Буша характерно возникновение «нового идеологического водораздела», а также значительное влияние сетей неолиберально-неоконсервативной элиты¹³. Исследователи анализировали роль неолиберальных мозговых центров в политическом процессе вообще и в отношении таких конкретных политических вопросов, как приватизация и дерегулирование. По сравнению с ранними исследованиями, в которых отмечалось, что неолиберализм носит характер «социального движения», представляя собой организованные усилия по построению

11. «Прототипом» мозгового центра может служить Фабианское общество. Такие неолибералы, как Хайек, многому научились от фабианцев.
12. Попытки дать сжатое единое определение термину «мозговой центр» обречены на неудачу вследствие значительных различий между научными, технократическими и партийными разновидностями мозговых центров.
13. Эдвин Дж. Фойлнер, глава фонда «Херитэдж», долгое время являвшийся также секретарем-казначеем и вице-президентом ОМП, ярко описывает проблему, связанную с использованием термина «неолиберализм» в американском контексте: «Общество „Мон-Пелерин“ было основано... для утверждения принципов того, что европейцы называют „либерализмом“, (в противоположность „государственничеству“), и что мы, американцы, называем „консерватизмом“ (в противоположность „либерализму“): свободные рынки, ограниченные полномочия правительства и личная свобода в условиях правления закона».

«контристеблишмента», призванного бороться с кейнсианским государством социального обеспечения, в большинстве работ последнего времени в общем и целом не улавливается значение институционализации пропагандистских мозговых центров для установления неолиберальной гегемонии. Вместо этого акцент делается на инновативных возможностях мозговых центров, на широком диапазоне выдвигаемых ими мнений и соответственно, на их мнимом плюрализме.

Несомненно, ряд сравнительно новых институтов левого толка – таких, как Центр политических альтернатив, созданный в Канаде в 1980-х годов, или недавно основанный немецкий фонд «WISSENTransfer» («передача знаний»), гораздо более скромный по размаху своей деятельности, а также весьма впечатляющие мозговые центры и сети, действующие в сфере «новых социал-демократий» (такие, как «Стокгольмский прогрессивный саммит», «Прогрессивный политический институт» американских «новых демократов», «Polity» – самопровозглашенное «ведущее» издательство в области общественных наук, и фонд «Italianieuropei») – извлекли полезный урок из успехов неолиберальных мозговых центров¹⁴. В частности, сети «новых социал-демократов» бросили достаточно успешный вызов неолиберальной гегемонии в 1990-е годы. Однако не так-то легко провести четкое различие между утопическим неолиберализмом и коммунитарными версиями неолиберализма, сторонниками которых являются Тони Блэр, Герхард Шредер и американские «новые демократы». Более серьезную угрозу неолиберальной гегемонии может представлять собой глобальная сеть нового левого «антикапиталистического» (и антинеолиберального) движения, хотя сейчас еще слишком рано давать полную оценку возможностям этой разнородной группы в отношении создания и распространения знаний, не говоря уже об их сопоставлении с аналогичными возможностями существующих неолиберальных сетей. В любом случае необходимы сравнительные исследования для изучения роли антиглобализационных сетей в противодействии неолиберальной гегемонии и ее потенциальном преобразовании. Согласно нашей гипотезе, в настоящее время не существует сил, которые могли бы сравняться с неолиберальными сетями в смысле организационных возможностей, а также создания и распространения знаний по широкому кругу политических вопросов.

Нами составлен список неолиберальных мозговых центров, под которыми понимаются специализированные и диверсифицированные идеологические и исследовательские организации, созданные с целью установления и / или защиты неолиберальной гегемонии на различных социальных аренах – таких, как высшая школа, политическое консультирование, СМИ, общест-

14. Ярким примером перебежчика из лагеря новых правых, хорошо знакомого с работой неолиберальных мозговых центров, может служить Джон Грей. Первоначально оказывая интеллектуальную поддержку тэтчеристам, Грей впоследствии перешел на сторону новых лейбористов во главе с Тони Блэром. В эпоху, когда неолиберализм был на подъеме, Грей являлся членом ОМП, но вышел из рядов общества в 1996 г., распознав его «ложный рассвет».

венное мнение вообще, а также дискурсивные и политические сферы (например, экономическая теория, аффирмативные действия и пр.) — и обладающие *непосредственными связями* с членами ОМП (выступающими в роли основателей, членов советов и / или руководящих должностных лиц). Работа ряда этих учреждений — таких, как канадский Институт Фрейзера, вашингтонский фонд «Херитэдж», Институт экономических проблем и Институт Адама Смита в Великобритании или немецкий «Frankfurter Institut — Marktwirtschaft und Politik» — хорошо известна на национальном уровне, а некоторые завоевали даже международную репутацию. Однако *коллективные* усилия многих из этих более или менее известных учреждений до сих пор оставались по большей части в тени. В качестве примера упомянем сотрудничество нескольких мозговых центров при составлении докладов «Свобода в мире» («Freedom of the World»), которые используются неolibеральными интеллектуалами для частичного опровержения данных по Индексу человеческого развития, ежегодно публикуемых Программой развития ООН.

В то время как наибольшая концентрация мозговых центров, связанных с ОМП, наблюдается в США и Великобритании, важно подчеркнуть, что неolibеральные пропагандистские мозговые центры широко распространены по всем регионам мира.

Другой интересный аспект, связанный с распространением организованных неolibеральных сетей знания и неolibеральной гегемонии, относится к хронологии институционализационных процессов, связанных с пропагандистскими мозговыми центрами. Основание мозговых центров и их сетевая деятельность всерьез начались только после Второй мировой войны, несмотря на то что еще раньше было создано несколько организаций, которые можно считать важными предтечами неolibерализма¹⁵. Стабильный, но относительно медленный рост числа неolibеральных институтов наблюдался до 1970-х годов, когда возникло сразу 18 новых мозговых центров по сравнению с пятью в 1960-х годах. Тем не менее к моменту кризису фордизма в 1970-е годы уже существовал ряд мозговых центров, которые еще раньше дали свое истолкование неудачам кейнсианства и государства соцобеспечения. И все же самое большое число неolibеральных мозговых центров было основано в 1980-е и 1990-е годы (30 и 23 соответственно). Даже после того, как политика регулирования спроса и государство социального обеспечения уступили прежние позиции, неolibеральные движения не утратили своего импульса в удовлетворении от достигнутых успехов. Напротив, организационные возможности неolibеральных сетей стабильно возрастали с тех пор, как неolibерализм в начале 1980-х годов стал доминирующим дискурсом. Не менее 45 новых институтов влились в ряды неolibеральных центров по созданию и распространению знаний, и их число продолжало расти, особенно в тех регионах, которые

15. В их число входят Гуверовский институт в США (1919) и женевский Rappards Institut Universitaire des Hautes Etudes Internationales (IUHEI), созданный в 1927 г.

сравнительно недавно интегрировались в глобальную капиталистическую экономику.

Вследствие обширности сети неолиберальных мозговых центров практически невозможно привести краткий обзор всех тем, которым посвящена их исследовательская, издательская и агитационная деятельность. Один лишь вашингтонский фонд «Херитэдж» предлагает всеобъемлющие консультации по многим, если не всем вопросам американской публичной политики — например, посредством издания своей правительственной программы «Мандат на руководство». Публикацией правительственных программ занимаются также аналогичные европейские институты.

Очевидно, не все мозговые центры занимаются всеми или хотя бы большинством из этих тем. Между тем многие сферы исследований являются объектом приложения усилий не только отдельных мозговых центров, но и их групп. Помимо общей координации работы многих мозговых центров, которую осуществляет американский фонд «Атлас», за последние годы были созданы различные специализированные сети неолиберальных мозговых центров — такие, как «Сеть экономической свободы» (собирающая по всему миру данные для ежегодных докладов «Свобода в мире»), «Стокгольмская сеть» мозговых центров Западной Европы (вырабатывающая неолиберальные рекомендации в сфере европейской интеграционной политики), «Балканская сеть» и разросшаяся сеть «зЕ» (в которую входят мозговые центры по всей Восточной Европе), осуществляющие неолиберальное руководство переходом от социализма к капитализму, или «Сеть американской государственной политики», охватывающая неолиберальные мозговые центры во всех штатах США. Тесные связи между многими из этих неолиберальных мозговых центров и их интенсивное сотрудничество значительно облегчает распространение их работы по различным странам, содействует эффективному разделению труда и способствует проведению «просветительских, политических и дискуссионных кампаний», если в них возникает необходимость¹⁶.

При оценке той роли, которую сети мозговых центров играют в создании и поддержании неолиберальной гегемонии, в первую очередь важна не деятельность отдельных организаций, а коллективная способность сети отвечать на вызов, бросаемый этой гегемонии. Те, кто предсказывают закат неолиберализма вследствие той критики, которой подвергается и он, и «корпоративная», или «капиталистическая», глобализация, возможно, не представляют себе или серьезно недооценивают возможности неолиберальных сетей, занимающихся созданием знаний, по ответу на этот вызов — далеко не первый, с которым они сталкиваются. Сети, которые в последние годы весьма эффективно мобилизовались на борьбу с неолиберальной

16. Две недавние кампании были посвящены опровержению идей Джереми Рифкина о «конце работы» и ответу на критику глобализационных процессов со стороны новых движений социального протеста.

гегемонией, возможно, должны перенять еще много «технологий»¹⁷ неолиберальных специалистов по созданию мозговых центров и управлению ими, а также развивать определенные способности, более характерные для «комплексных организаций» (Перроу) и разумно построенных межорганизационных сетей (под которыми понимается всеобъемлющая координация), с целью добиться эффективности и всеохватности в отношении повседневной борьбы по различным вопросам, влияющим на общественное мнение, по аналогии с хорошо организованными неолиберальными сетями по созданию и распространению знаний.

ДИНАМИКА ПРОЦЕССА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИЛ: ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Таким образом, мы наблюдаем расширение и углубление неолиберальных сетей интеллектуалов и мозговых центров, их широкое распространение в глобальных масштабах, а также проникновение на конкретные национальные и наднациональные арены и в дискурсивные сферы¹⁸. Несомнен-

17. Технологическая школа или теория случайности в организационных исследованиях, по словам Перроу, «занимается факторами, аналитически более или менее независимыми от структуры и целей, а именно приемами или методами, применяемыми в организациях» (термин «технология» здесь используется в обобщенном смысле исследования приемов и методов). Неовеберовский подход, как его описывает Перроу, также дает интересные результаты при исследовании мозговых центров. Его отправным моментом является специфическое понимание «коммуникации»: «...коммуникационные стратегии строятся с учетом контрольных точек в коммуникационных каналах, специализации этих каналов, расширения и углубления преимущественно используемых каналов, которые могут неумышленно пролагаться мимо ключевых точек, развития организационных словарей, затухающих одних фрагментов реальности и преувеличивающих другие, и природы техники коммуникаций, использующей намеки и другие способы манипуляции вниманием».
18. Более тщательный анализ конкретных дискурсивных и силовых *отношений*, в которых неолиберальные сети интеллектуалов и мозговых центров представляют собой ключевую силу, выходит за рамки данной работы. Хороший пример относительного влияния организованных неолибералов представляет собой европейская интеграция. В то время как в 1980-е гг. давний член ОМП Герберт Гирш, в 1985 г. ставший его президентом, удачно ввел в оборот понятие «евросклероз», от которого отталкивалась программа единого рынка, организованные неолибералы в 1980-е гг. вели борьбу за дальнейшее развитие европейского *политического* союза, конкретно — за право составления евроконституции. Вскоре после этого созданная в 1992 г. Европейская конституционная группа (www.europeanconstitutional-group.org) была мобилизована на разработку неолиберальной конституции. Семь из десяти первоначальных членов группы (из шести различных стран) входили в состав ОМП и имели доступ к местной сети мозговых центров, используя ее для распространения своей коллективной работы. Параллельно с этим неолиберальный лагерь создавал новые над- и транснациональные мозговые центры. В 1993 г. немецкие и британские члены сети ОМП учредили «Центр за новую Европу» (CNE) — первый неолиберальный мозговой центр, призванный работать на наднациональном уровне. Помимо CNE, в 1997 г. была создана «Стокгольмская сеть». Британскому мозговому

но, создание и распространение неолиберальных знаний отнюдь не находится в упадке — напротив, очень серьезные интеллектуальные силы и влиятельные круги в составе исторических силовых блоков, которые защищают и укрепляют неолиберальную гегемонию, прочно утвердились во многих (гражданских и политических) обществах по всему земному шару, способны работать над любой животрепещущей проблемой и обладают возможностями для создания стратегически необходимых мощностей и компетенций. Для распространения результатов этой работы могут использоваться надежные и проверенные каналы коммуникации; кроме того, неолиберальные сети способны на быстрое изменение тактики.

Подчеркнуть эти обстоятельства особенно важно, учитывая то внимание, которое в последнее время уделяют мнимому становлению «Поствашингтонского консенсуса», представляющего собой более мягкую, гуманную версию глобализации. Сделанное Всемирным банком открытие о том, что «институты тоже важны», и постоянные ссылки на значение хорошего или глобального управления, наводнившие текущий дискурс международных финансовых учреждений, не следует интерпретировать как доказательства заката неолиберализма. В сущности, многие недавние критические высказывания в адрес либерализма и вытекающие из них реформаторские предложения при ближайшем рассмотрении вполне укладываются в плюралистическую неолиберальную повестку дня. Многие неолибералы согласны с тем, что для построения институционального фундамента рыночной экономики необходимо сильное государство. При внимательном прочтении «заявления о намерениях» общества «Мон-Пелерин» мы вспомним, что ключевые постулаты неолиберализма не сводятся к вульгарному рыночному радикализму, включая размышления о той роли, которую следует поручить государству с ограниченными полномочиями. Таким образом, противники неолиберализма сами поступают себе во вред, целясь по ложной мишени.

Собственно, одна из причин отсутствия четкого различия между неолибералами и антинеолибералами заключается в том, что у левых не имеется последовательной альтернативной программы, из которой стало бы ясно, за что и против чего они сражаются. Тем не менее принципиальные усилия по борьбе с неолиберальной гегемонией должны включать заявление о намерениях, по своим масштабам аналогичное соответствующему заявлению ОМП. В таком заявлении должны содержаться соображения о том, какого рода транснациональные организационные возможности необходимы для эффективного противодействия неолиберальной сети интеллектуалов и мозговых центров с ее размахом и достижениями. Преждевременно отпевая неолиберализм, мы забываем о том, что неолиберальная гегемо-

центру «Сивитас», в 2000 г. отпочковавшемуся от Института экономических проблем, была поручена задача координировать работу взаимосвязанных неолиберальных мозговых центров в Англии, Франции, Бельгии и Германии, а также соответствующих партнерских организаций в других государствах — членах Евросоюза (как и американского Института Галена).

ния выражается не в построении «неолиберализма» как четко определенной конечной цели; скорее всего, под неолиберальной гегемонией следует понимать возможность оказывать постоянное влияние на политическое и экономическое развитие, задавая ему неолиберальное направление посредством насаждения принципов соответствующего хорошего управления и критики ложных, ошибочных или опасных отклонений от неолиберального курса. Рабочие принципы и гегемоническая стратегия радикального неолиберализма в любом случае не связаны с конкретными деталями и политическими компромиссами; первоочередная задача неолиберальных сетей интеллектуалов и мозговых центров состоит в том, чтобы задавать условия дискуссий ради сохранения неолиберального курса. Из проведенного нами анализа общества «Мон-Пелерин» и связанных с ним неолиберальных сетей следует, что ключевым аспектом его деятельности и одним из секретов его успеха является непрерывный процесс создания и распространения знаний, так же как и относительное дистанцирование от властных структур.

Перевод с английского Николая Эдельмана